

УДК 39:821.161.1ТихийДон7Шолохов
ББК 63.5(2):84(2Рос=Рус)6

И.И.Цыценко

**НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ
«ТИХИЙ ДОН»**

В статье рассматривается роман Шолохова «Тихий Дон» в историко-культурологическом, этнологическом аспектах. Это позволяет выйти на новый уровень в осмыслении «бытийной» полноты произведения, более точно определить своеобразие поэтики эпопейного начала романа.

Ключевые слова: *Шолохов, роман-эпопея, историко-культурный контекст, казачество, национальный характер, этническое сознание.*

Цыценко Ирина Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной литературы XX века Южного федерального университета
Тел.: (863) 264-90-00

«Тихий Дона» М.А. Шолохова — одно из самых изученных в научно-литературоведческой и литературно-критической мысли произведение русской литературы XX в., в освоении которого использовался весь арсенал традиционных литературоведческих методов: и системно-целостный, и сравнительно - типологический, и биографический, и мифопоэтический, и герменевтический. Однако, учитывая важнейшее место «Тихого Дона» в духовном и историческом самосознании нации, представляется целесообразным соединить традиционную литературоведческую методологию с историко - культурологическим, этнологическим, философским подходами. Это позволяет выйти на новый уровень в осмыслении «бытийной» полноты этого произведения, оценить всю масштабность прозрений главных тенденций национальной жизни его автора. О необходимости воссоздания историко-культурного контекста писал еще М.М. Бахтин: «Прежде всего литературоведение должно установить более тесную связь с историей культуры. Литература — неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи <...> В наших историко-литературных трудах обычно даются характеристики эпох, к которым относятся изучаемые литературные явления, но эти характеристики в большинстве случаев ничем не отличаются от тех, которые даются в общей истории, без дифференцированного анализа областей культуры и их взаимо-

действия с литературой, да и методология таких анализов еще не разработана» [Бахтин, с. 330].

Этнокультурный взгляд как раз и дает возможность «дифференцированного анализа» национально-культурных традиций, непосредственно связанных с содержанием литературного текста эпического характера, при этом нисколько не ограничивая возможностей постижения общечеловеческого содержания произведения, так как менталитет этнокультурной общности обязательно включает в себя духовно-исторические феномены универсальности человеческой культуры. Кроме того, специфика эпопеи как жанрово-видового образования связана с особым «эпическим состоянием мира», на основе которого она только и может возникнуть. [Минакова, с. 6].

В своем романе-эпопее М.А. Шолохов, изображая трагическую эпоху начала XX в., постиг суть не только социальных процессов, ей свойственных, но и процессов этнических, отличающихся от социальных по своей природе. «Совпадения между социальными и этническими ритмами случайны. Хотя именно они бросаются в глаза при поверхностном наблюдении» [Гумилев, с. 125]. В «Тихом Доне» помимо глубокого анализа социальной ситуации всегда присутствует еще «нечто», придающее тексту глубину и объемность, и это «нечто» связано с внутренней динамикой национальной жизни, раскрывающейся через «национальный характер». Сознание, психология героев эпического произведения подразумевает, помимо индивидуальных и социальных черт, то особое мироощущение, мышление, поведение, систему ценностей, духовное творчество, которое свойственно именно той национальной общности, к которой они принадлежат. Причем, этническое сознание предполагает идентификацию не только с настоящим, но и с прошлым данной национальной общности, акцентирует идею «корней». Это происходит в силу того, что «нация – не есть только ныне живущее поколение, но есть и своеобразная сумма всех поколений, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса...» [Бердяев, с. 48].

С каждой новой эпохой национальный характер в определенной степени меняется, и только настоящему эпика под силу запечатлеть динамику этнопсихологического склада. По определяющим чертам характера эпопейного героя можно судить о том, на каком этапе находится национальная жизнь, спад или подъем в своем развитии переживает нация. Само движение событий в художественном мире романа-эпопеи определяется сложным переплетением двух динамик: социальной и этнической, что и позволяет добиться максимальной исторической объективности.

Характерен сам угол зрения на трагические события российской истории, избранный М.А. Шолоховым, – сквозь призму такого «специфического явления русской жизни, как казачество». Вот какую характеристику дает этому «явлению» современная историческая наука: «Этот значительный по территории, но слабо заселенный край играл

в жизни страны роль несравненно более значительную, чем доля его населения в общей численности населения России. Для государства он был во многом уникален. Дон был единственным местом в стране, где цивилизация существовала еще в античное время. На Дону как нигде близко соприкасались цивилизации России и Ближнего Востока, где русский и тюркский элемент нашли в казачестве свое соединение <...> Сами донские казаки существенно отличались по своему состоянию от всех других слоев населения России и оказывали значительное воздействие на внутреннее и международное положение страны» [Мининков, с. 4]. Главной особенностью казачества называют то, что «... оно организовалось в особое военное сословие и одновременно сложилось как своеобразная этническая группа в составе русского народа...» [Очерки ..., с. 82]. То, что донское казачество, с одной стороны, находилось внутри русского этноса, а с другой — обладало особым стереотипом поведения и традициями, давало возможность сделать его жизнь предметом художественного изображения и, одновременно, прозреть сквозь эту конкретную национальную жизнь общие закономерности российского бытия.

Донское казачество представлено в романе-эпопее именно как определенная «национальная индивидуальность», как русский субэтнос: локальный (Донщина), вписанный в определенный ландшафт (донская степь, побережье Дона), имеющий этническое окружение (хохлы, калмыки), обладающий всем тем комплексом обычаев, укладом жизни, которые и придают «лица необщье выраженье» этому народу. В духовном складе, в психологии героев «Тихого Дона» есть немало общерусских черт, но вместе с тем они обладают особым стереотипом поведения, отличным от всех других. Он обусловлен самим их исторически сложившимся образом жизни, характером труда, казачьим семейно-патриархальным укладом.

Но особенно важно, что в своей эпопее М.А. Шолохов отразил национальное самосознание донских казаков в период его грандиозной ломки.

Вот что пишет в связи с проблемой эпического в «Тихом Доне» известный шолоховед Герман Ермолаев: «Эпический характер "Тихого Дона" основывается на преобладающем беспристрастии и широком изображении нации в критический период войн, революций и решительных социальных и политических перемен, которые имели далеко идущие последствия для всего мира <...> в «Тихом Доне» почти все главные герои умирают. Их насильственная смерть означает конец многовекового существования казаков как уникального сословия.» [Ермолаев, с. 88]. Таким образом, утверждается, что это эпос о смерти казачества как этнокультурной общности.

Рассмотрим, насколько состоятельна предложенная Германом Ермолаевым концепция, изучив, как решаются в произведении вопросы самостояния и самосохранения казачьей этнотрадиции, определяющей сам характер национального бытия.

Передать всю целостность национальной жизни донских казаков М.А. Шолохову удалось во многом благодаря тому, что в центр идейно-сюжетной структуры «Тихого Дона» он поставил родовую жизнь казачьей семьи Мелеховых, которая втянута в историю, связана с самыми трагическими ее моментами, по которой острым ножом прошли все важнейшие события эпохи. Отступив от замысла 1925 г. и обратившись к изображению предвоенных лет, М.А. Шолохов решил все «...начать с описания вот этого семейного уклада жизни донских казаков...» [Шолохов, т. 8, с. 316]. Это было необходимо, чтобы объяснить, «кто такие донские казаки» [Там же].

Открывая «Тихий Дон» историей Прокофия Мелехова, автор романа-эпопеи сразу раздвинул пространственно-временные рамки романа. Здесь обозначена сложная система временных отношений. Есть время историческое: «В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокопий» [Шолохов, т. 1, с. 13]. Есть приметы времени народного, определяемого природным календарем: «В тот год случился небывалый падеж скота» [Там же, с. 15]. Особое внимание обращает на себя время родовое: «С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы...» [Там же, с. 16]. Акцентируя внимание на той самой «точке счленения», где выросла из древа донского казачества новая ветвь, автор как бы подчеркивает, что именно время рода Мелеховых будет материализоваться в пространстве романа-эпопеи преимущественно, являясь существенной почвой для изображения событий. В самом течении жизни мелеховской семьи найдут отражение наиболее значительные события исторической жизни; в подвижности отношений внутри семьи отразятся тенденции этнической динамики.

Время мелеховского рода потекло с момента переселения Прокофия с женой-турчанкой в новый дом. «С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, бирюком» [Там же, с. 4]. Дом, выстроенный Прокофием, и является центральным в художественном пространстве романа. Это основной организационный центр сюжетных событий «Тихого Дона».

Изображая время зарождения рода Мелеховых, М.А. Шолохов зафиксировал те особенности, которые были определяющими для соответствующего этапа этнической жизни казачества. Тем самым время мелеховского рода изначально сопрягалось с внутренними токами национальной жизни. В самом начале романа-эпопеи нашла выражение в сюжете такая черта, свойственная зрелому этапу этнического бытия, как стремление не допускать чужих в свою среду. Именно недоверие к «чужой», к иноземке предопределило трагедию в семье Мелеховых. Обвинения в колдовстве связаны с враждебностью по отношению к чужой культуре и со стремлением ограничить прирост казачества за счет иноземцев. Прокофий пытается идти против этнотрадиции, но в итоге она торжествует: после смерти «турчанки» и ссылки самого

Прокофия на каторгу Пантелей был взят в дом деда-казака и, воспитанный там, стал вполне «своим» с точки зрения казачьих традиций.

Дом Прокофия, вокруг которого и разворачиваются основные события романа-эпопеи, – вполне традиционный образ, связанный с генеральной традицией в мировой литературе, это Дом-Ковчег, символизирующий и в материальном, и в духовном плане силу, сохраняющую все сущее и гарантирующую его возрождение. Кроме того, Дом и род в романе-эпопее обеспечивают бессмертие национальной традиции, ее преемственность. Мелеховский курень – это органическое вместилище духа семьи Мелеховых. Он дает непреложное ощущение своего места в мироздании каждому из главных героев, для которых родительское гнездо навсегда определяет образ мира. Эта пространственная точка имеет самое непосредственное отношение к герою, к его судьбе, к его духовным поискам, к его взаимоотношениям с миром в широком смысле слова. Посредством этой точки Григорий Мелехов ощущает свою укорененность в мире.

Свою органическую связь с Домом главный герой ощущает настолько остро, что не представляет себя вне его. Мир казачьих традиций – единственно возможный для него мир, казачий образ жизни – единственно приемлемый способ существования. Родовое чувство побуждает в Григории даже страсть к Аксинье: ее предложение уйти вместе из хутора он отвергает сразу: «Ну, куда я пойду от хозяйства? <...> От земли я никуда не тронусь» [Шолохов, т. 1, с. 58].

Пространственные перемещения героя в последующих главах также не нарушают его внутреннего единства с семьей, с Домом, напротив, они заставляют его острее почувствовать, что он часть семьи. Даже уход в Ягодное с Аксиньей не стал для него «отделением», каким было в свое время отделение Прокофия. Григорий, живя в Ягодном, поддерживает отношения с Петром, скучает по хутору, принимает от отца воинскую «справу».

То, что семья – центр мироздания в «Тихом Доне», находит выражение и в особенностях сюжетного построения произведения. Сюжет подчеркнуто развивается «кругами», а в центре круга всегда находится родной дом: Григорий уходит из Татарского с Аксиньей, служит в красноказачьих войсках, встречается с Подтелковым и снова возвращается в родной курень; в 1918 г. участвует в восстании, а после его поражения он опять в семье; затем верхнедонское восстание, служба в Первой Конной, наконец, скитания с бандой Фомина, и всякий раз возвращение к родному порогу. Каждый «круг» – определенный этап духовного поиска героя, а очередное возвращение – своеобразная сверка обретений героя с вековым укладом казачьей жизни. Но каждый «круг» показывает не только изменения внутри героя, изменения этнопсихологии казачества, но и то, как меняется сам Дом, какому натиску подвергается он со стороны окружающего «большого мира», как хаос этого мира вторгается в него и разрушает всю систему отношений, на которых этот Дом держался. Таков смысл «кругового» построения сюжета в «Тихом Доне».

Вся полнота материальной и духовной культуры казачества раскрывается уже в первой книге «Тихого Дона» в изображении бытия семьи Мелеховых. Такой подход не случаен, так как «формирование мировоззрения донских казаков в течение почти всей их истории происходило в условиях завещательности как передачи от поколения к поколению целостной системы этических и нравственных принципов, норм поведения в быту и во время военных действий, в социуме...» [Проценко, с. 185]. Семья была основным хранителем традиции. По жизни семьи, по крепости семейных уз у данного народа можно судить о продуктивности и жизнеспособности этнической традиции, которая не является чем-то застывшим, а пребывает в постоянном движении, развитии. Чтобы увидеть характер этого развития, иногда достаточно взглянуть на разные поколения внутри одной семьи, что и делает М.А. Шолохов в «Тихом Доне».

Однако прежде чем анализировать отражение в произведении материальной и духовной культуры донских казаков, отметим такую немаловажную деталь, как внешний тип главного героя, весьма характерный с точки зрения этнических признаков. В описании известного донского историка Е.П. Савельева, донские казаки, «потерпевшие в силу своих исторических судеб метисацию с южными народами, были большей частью брюнеты, с вьющимися волосами, среднего роста, крепкого сложения, подвижны, храбры и предприимчивы» [Савельев, с. 260–261]. Далее автор отмечает такие черты внешнего типа, как «нос тонкий, с горбинкой», «лицо продолговатое, с правильным овалом», «глаза черные, переходящие в карие и желтые». Этот типичный портрет казака средних станиц поразительно совпадает с описанием облика Григория Мелехова. Особенно удивляет характеристика глаз, меняющих цвет от черного до желтого, что и обыгрывается в романе сравнением взгляда Григория с волком. Таким образом, даже портрет героя «работает» на общую концепцию романа-эпопеи о судьбе донского казачества, с его уникальным смешением «кровей» и культурных признаков.

Взаимодействие различных по своему генезису культурных компонентов не помешало донским казакам сформировать особую, неповторимую культуру и уклад жизни. Воссоздание в «Тихом Доне» этой культуры и уклада не просто придает яркий колорит произведению, но обеспечивает национально-культурную определенность, обязательную для эпопеи.

Духовная культура донского казачества отражена в произведении М.А. Шолохова прежде всего двумя составляющими – фольклором и христианскими основами духовной жизни. Если говорить о последних, то в «Тихом Доне» совершенно определенно наблюдается «подвижность» христианских традиций: от «непосредственности» веры, присущей старшему поколению, к релятивизму, присущему молодому поколению.

Описывая жизнь в хуторе Татарском, М.А. Шолохов включает в нее такие атрибуты, как «глянец серебряных икон» [Шолохов, т. 1, с. 25] в красном углу куреня, застольные молитвы, семейные посещения церкви, соблюдение постов, христианских праздников. Но за этой внешней обрядовой стороной проглядывает незыблемость для людей старшего поколения основ христианской веры. Для Пантелея Прокофьевича аргумент «А бог?» остается решающим, именно вера служит опорой его духу и позволяет «духовно оправиться» [Там же, с. 310] после известия о смерти сына.

Молодое поколение Мелеховых и других семей, представленных в романе, при соблюдении внешней обрядности, в душе удаляется от истинной веры. Они совершают поступки, расцениваемые в христианском сознании как смертный грех – прелюбодеяния, убийства, самоубийства, и парадоксально «не признают» всей тяжести совершаемого. Погрязшая во всех грехах Дарья накануне самоубийства мечтает о радостной встрече в потустороннем мире с «дружечкой» – Петром Пантелеевичем. Самая «чистая» из всего молодого поколения Наталья совершает попытку самоубийства накануне главного христианского праздника – Светлого Христова Воскресения, а гибнет после убийства младенца во чреве.

И хотя семья Мелеховых до конца пыталась хранить веру, и в годы Гражданской войны, когда многие семейные основы дрогнули, общая молитва за столом стала обязательным религиозным актом освящения единства этой семьи, неуклонная логика исторического движения, в соответствии с которой развивается сюжет романа, приводит молодых Мелеховых, и прежде всего Григория, к утрате веры в Бога, к нерадению о своей жизни и посмертной участи.

Примечательно, однако, что лишь Дуняшка сохранит христианское отношение к семье как к священному союзу: ее настойчивость в вопросе о венчании переломит железное упрямство атеиста Кошевого. Материнское благословение и церковный обряд освятят этот странный союз противоположностей: традиции и воинствующего ее отрицания. Побеждает традиция, так как микроклимат в традиционной семье зависел именно от женщины, которую авторы многочисленных поучений всегда называли «душой» в теле мужа.

Но в противовес наивной религиозности Дуняшки можно привести множество других эпизодов романа, связанных с поведением Митьки Коршунова, Лизы Моховой, Михаила Кошевого, свидетельствующих о глубоком кризисе веры, переживаемом казачеством. Этот кризис имел губительное значение для всей целостности национальной культуры, так как православие в течение нескольких веков было ее опорой.

Постоянно прослеживается в «Тихом Доне» тесная связь и с другой составляющей духовной культуры донского казачества – с фольклором. Не пытаясь выявить и описать всю полноту «фольклорного присутствия» в тексте произведения, выделим отдельные аспекты,

связанные с семейной темой. Прежде всего — символику названия и эпиграфы к роману, в которых фигурирует образ «тихого Дона». Этот образ, укорененный именно в донском фольклоре, исключительно емко по своему идейно-художественному наполнению. Помимо общеизвестных смыслов, он несет в себе и семейную символику, весьма многослойную. Посредством мотива крови как одной из древнейших метафор воды мотив вечного течения Дона оказывается связан с мотивом рода. А в двух основных легендах о происхождении великой реки, приводимых в классическом труде А.М. Афанасьева, Дон как живое существо выступает то в ипостаси мужа, убивающего за неверность свою жену и себя, то в ипостаси сына, послушного родительской воле и получающего за это благословение течь до самого моря [Афанасьев, с. 225]. В последней образ могучей реки становится символом высшего воздаяния за верность предкам и, значит, за верность традиции.

Таким образом, уже в названии романа-эпопеи определяются две важнейшие темы произведения — тема традиционной жизни донского казачества и ее основных ценностей и тема трагической любви. Мотив верности семейному очагу, родовому бытию, а также мотив трагического в жизни донского казачества — определяющие и в тех казачьих песнях, которые вынесены в качестве эпиграфов к «Тихому Дону». Отсюда берут начало лейтмотивы вдовства, сиротства, материнского горя, пронизывающие все книги романа-эпопеи. В песнях, включенных в ткань романа, запечатлелся особый характер казачьего бытия, predetermined самой их исторической жизнью — жизнью не только земледельцев, но и воинов, для которых утраты — страшная норма жизни. Создавая такую фольклорную параллель основным событиям и конфликтам в произведении, автор, с одной стороны, подчеркивал их традиционность, а с другой — акцентировал внимание читателя на повышенной остроте, непримиримости и непреодолимости этих трагических конфликтов в новое время.

С «жестоким» реализмом описывая «глухую, прижившуюся тоску тех, кто навсегда потерял родных и близких» [Шолохов, т. 2, с. 172], Шолохов предрекает им нестерпимое будущее: «Рви жидкие от безрадостной, тяжелой жизни волосы, кусай свои в кровь искусанные губы, ломай изуродованные работой руки и бейся на земле у порога пустого куреня! <...> никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты <...> сама будешь пахать, боронить, задыхаясь от непосильного напряжения <...> а потом будешь корчиться, накрывшись лопухами, и исходить кровью» [Шолохов, т. 2, с. 172—173]. Но все эти страдания захлебнувшихся горем вдов автор переводит из категории «настоящего» в категорию «вечного»: «...время залижет и кровяную боль, и память тех, кто не дождался родимых и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и немного всем нам суждено истоптать травы...» [Там же, с. 172]. Этот общечеловеческого звучания авторский вывод опосредован опытом исторической жизни донского казачества, навеки запечатленной в народных песнях. Фоль-

клорная «аналогия позволяет раскрыть глубину проникновения писателя в жизнь родного народа» [Горелов, с. 36]. Сталкивая содержание старинных казачьих песен с трагическим настоящим, М.А. Шолохов добивался максимальной эпичности повествования.

Но не только трагическим определяется семейное бытие в «Тихом Доне», жизнь семьи здесь адекватна той вечно возрождающейся жизни, что побеждает смерть: «В каждом дворе, обнесенном плетнями, под крышей каждого куреня коловертю кружилась своя, обособленная от остальных, полнокровная, горько-сладкая жизнь» [Шолохов, т. 1, с. 120]. Эта жизнь зиждется, прежде всего, на тяжком и изнурительном земледельческом труде, в котором казаки сливаются с природой в ее вечном круговращении и самовозобновлении. «Тихий Дон» изобилует картинами подобного жаркого семейного труда, по которому так тоскует оторванный от земли Григорий.

Тщательно выписан в романе и семейный уклад донских казаков, с его жесткой внутрисемейной иерархией, в которой вся ответственность лежит на старшем мужчине в доме. Именно такие, патриархальные, казачьи семьи изображены в «Тихом Доне». Это указывает на древние корни и вместе с тем живость, плодотворность казачьей этнотрадиции. То, что казаки не отвергли этот веками проверенный уклад на нечто иное, новое, говорит вовсе не об их косности, а об органичности этого уклада для самого их природно-общественного существования. Хотя общероссийский процесс перехода от патриархальной к индивидуальной семье в начале XX в. затронул и казачество, но лишь в незначительной мере. В «Тихом Доне» М.А. Шолохов удивительно точно отразил эту социокультурную ситуацию.

Почиталась казачеством и женщина-мать, хранительница домашнего очага, оплот морали казачьего дома. Именно такой идеальный образ женщины-казачки во всех ее ипостасях создал автор романа-эпопеи в лице Ильиничны. Дородная и высокая («на добрую четверть» выше мужа) [Шолохов, т. 1, с. 67], Ильинична внешне подчиняется Пантелею Прокофьевичу: не перечит его хозяйственным решениям, выслушивает его брань, открыто не противоречит даже тогда, когда не уверена в его правоте. Однако ее роль в семье вовсе не ограничивается заботами о быте и распределении женских обязанностей по дому. Ильинична – главный источник той любви, которая является жизненной силой, питающей семью. И хотя в «Тихом Доне» вообще нет безмятежных женских судеб, все они отмечены той или иной долей трагизма, Ильинична, пожалуй, самый трагичный женский образ в романе. Вместе с тем это очень сильный образ. Нелюбимая в молодости мужем, жестоко битая им Ильинична смогла победить нетерпимость Пантелея Прокофьевича, заставить уважать и ценить себя. Ей удалось это благодаря терпению, на котором, как и на труде, зиждется сама жизнь казачества. Прочувствовав изнутри неблагозвучность казачьего бытия, Ильинична никогда не пыталась отказаться от него или подвергнуть его критике. И причиной тому вовсе не ее патриархальная

«зашоренность». Ильинична, пожалуй, самый яркий образ хранительницы народной философии в романе-эпопее – философии, воплощенной не столько в словах, сколько в самой жизни и отношении к ней.

Женщины в «Тихом Доне» передают молодому поколению не только все содержание этнотрадиции, но и любовь к ней. Насколько сильной может быть эта любовь, мы видим в младших Мелеховых. Даже очень сильные внешние и внутренние потрясения разбиваются об эту привязанность к традиционному укладу и морали. Для всех членов семьи Мелеховых Ильинична – огромный моральный авторитет. Дети, даже став взрослыми, всегда стремятся к ее моральному одобрению. Так, Дуняшка, уже решившая выйти замуж за Кошевого, продолжительное время предпринимает попытки привлечь Ильиничну на свою сторону, чтобы она одобрила ее брак. Спокойная и внешне более мягкая, чем Пантелей Прокофьевич, Ильинична, тем не менее, достаточно строга с детьми и невестками, особенно, когда речь идет о моральных вопросах. Всю жизнь сдерживала она, как могла, склонную погулять старшую невестку. Даже «после смерти Петра строгая Ильинична не давала ей воли, как будто Дарья, изменявшая живому мужу, обязана была соблюдать верность мертвецу» [Шолохов, т. 4, с. 97].

Однако при всей строгости нравственной оценки поступков детей и невесток, старшие Мелеховы никогда не отрекаются от них, они не столько судят, сколько стремятся уберечь от ошибок, защитить, даже после смерти. Когда самоубийцу Дарью поп Виссарион отказывается хоронить на кладбище, Пантелей Прокофьевич горячо противится этому: «За кладбищем я ее зарывать не буду. Она мне не сбоку припека, а родная сноха» [Там же, с. 180]. При всех претензиях к моральному уровню Дарьи Пантелей Прокофьевич и Ильинична не могут отказать ей в семейном покровительстве, ибо интересы рода для них очень важны.

Благоговейное отношение к домашнему очагу свойственно и молодым Мелеховым. Власть родителей они признают не потому, что боятся потерять наследство, а потому, что уважают семейную иерархию, признают ее необходимость для соблюдения интересов семьи в целом. Вместе с тем младшее поколение в казацкой семье не было безгласным: власть родителей контролировалась семейным советом, который регулировал все сложные внутрисемейные проблемы. Но Мелеховы не только открыто советуются, в случае необходимости они прибегают к секретничанию. Именно так, тайно, с глазу на глаз, поучает Пантелей Прокофьевич Григория из-за связи с Аксиньей. Неслучаен в данном случае и выбор места и времени (на ранней рыбной ловле), так как разговор неприятен им обоим. Также тайно разбирается Пантелей Прокофьевич и с загулявшей невесткой Дарьей; ведут между собой секретные для других разговоры Наталья с Дарьей, Ильинична с Натальей, Петр с Григорием. Причем, самые острые тайные разговоры ведутся, как правило, за пределами дома. В этом проявляется подспудное стремление оберегать чистоту семейного очага от всяческих «нечистых» обстоятельств.

Продолжая сравнение изображенного в романе-эпопее с традиционной казачьей культурой, можно указать на определенную «неполноту» реконструкции этой культуры в «Тихом Доне». Об этом (в частности, о несоответствии в ряде пунктов свадьбы Григория обряду «донской свадьбы») много писали исследователи. Указывали также на значительную редукцию инициального и похоронного обрядов. Однако вряд ли стоит упрекать автора в незнании «всей толщи» народной культуры. Не будем забывать о том, что «Тихий Дон» — художественное, а не этнографическое произведение, оно не предполагает подробного воспроизведения всех деталей казачьих обрядов. Автор волен останавливать свое внимание лишь на тех моментах, которые являются значимыми для развития основных сюжетных линий романа-эпопеи, для внутренней логики его идейного содержания. Возможно, в этом и проявляется шолоховский взгляд, который что-то редуцирует, а что-то усиливает, что-то пропускает, а что-то вносит. Также можно предположить, что известное сокращение в изображении сложной последовательности казачьих обрядов объясняется тем, что к началу XX в. эти выпестованные казачьей традицией обряды уже не соблюдались с необходимой тщательностью, что наметились черты упрощения, а значит, в определенной степени разрушения духовной культуры казачества.

Таким образом, анализ первых книг «Тихого Дона» свидетельствует о чрезвычайной точности и исторической достоверности изображения в произведении исторической жизни донских казаков в начале XX в. В последующих же книгах романа-эпопеи М.А. Шолохов не менее правдиво отразил, как те процессы, которые он сам назвал «социальными и национальными катаклизмами», вторгаются в эту сложную систему казачьего бытия и разрушают ее.

Трагическим прощанием с этим уходящим в прошлое бытием звучат последние главы «Тихого Дона». Рухнувший под натиском революции и Гражданской войны уклад похоронил последнюю надежду главного героя органически вписаться в мир, в мире же утраченной гармонии он жить не захотел: именно этим объясняется его решение вернуться к порогу родного дома, не дожидаясь амнистии. Как и положено герою эпопеи, Григорий Мелехов разделит судьбу своего народа, ибо «...этноты иногда предпочитают гибель неприемлемому для них существованию...» [Гумилев, с. 119].

Таким образом, анализ романа в историко-этнологическом ключе позволяет согласиться с Германом Ермолаевым в том, что в «Тихом Доне» воссоздана хроника гибели донского казачества как своеобразного, исторически самобытного этноса. Добавим лишь, что гибель эта обусловлена не только физическим уничтожением казаков, но и обрывом традиции — уничтожением составляющих материальной и духовной жизни казаков, прерывом завещательности.

Литература

- Афанасьев А.М.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1994.
- Горелов А.А.* «Тихий Дон» М. Шолохова и русское народное поэтическое творчество // Михаил Шолохов: сб. статей. Л., 1956.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Минакова А.* Поэтический космос М. Шолохова. М., 1992.
- Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998.
- Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968.
- Проценко Б.Н.* «Остались только верными сынами России казаки...» // Дон. 2001. № 3-4.
- Российская ментальность : материалы круглого стола // Вопросы философии. 1994. № 1.
- Савельев Е.П.* История казачества (Историческое исследование). Ре-принтное воспроизведение издания 1916 года. Ростов н/Д, 1990. Ч. 2.
- Шолохов М.А.* Собр. соч. в 8 т. М., 1985.
- Erntolaev H.* Mikhail Sholokhov and His Art. New Gersey Princeton University Press, 1982.